

Я для того и пришел, чтобы утомляться

Известия. — 2000. — 14 окт. — с. 1, 7

Ровно без четверти одиннадцать он сидит у телефона и входит в утреннее настроение, словно перед спектаклем. Чувствуется дисциплинка Театра сатиры. На «Прямой линии» с читателями «Известий» Александр Ширвиндт, актер и режиссер, любимец женщин и прочих благодарных зрителей. Человек, при встрече с которым каждый почему-то настраивается на розыгрыш или хотя бы смешную хохму. А у него утреннее настроение, он отказывается от кофе и даже чая. Он очень серьезен и собран.

Шампанского бутылка

— Добрый день, меня зовут Наталья Андреевна. Я не буду вас утомлять.

— Ну почему же, я для этого и пришел, чтобы утомляться.

— Я не буду вам говорить, какой вы блистательный: вам это все говорят. Но у меня проблема — нужно пристроить собаку. А ваш сын ведет «Дог-шоу» — вы не могли бы по знакомству...

— Не знаю, не могу ничего обещать. Вы оставьте свой телефон...

— Здравствуйте, Александр Анатольевич, это Павел из Москвы. Я хочу спросить о ваших партнерах. Людмила Гурченко — с ней легко? Я слышал, она человек сложный, как и любой талант, — как у вас складываются отношения на сцене?

— Вы автомобилист? Тогда поймете: можно ездить на простенькой «Оке», а можно — на «Лексусе», и все время бояться, что какая-нибудь сложная электроника откажет. Но удовольствие несравнимо, правда? Так и здесь. Мы с Людмилой Марковной давно дружим, много переиграли и в кино, и в театре, она сложный че-

ловек, но так архиталантлива, что все сложности уходят. Главное — ее не обижать, а человек она обидчивый. Но мы прекрасно сотрудничаем, пьесу «Поле битвы после победы» принадлежит мародерам, скоро сыграем в сотый раз. И не переругались, и каждый раз ищем что-то новенькое.

— У вас с Державиным была реприза: артисты играют пьесу впервые — волнуются. И потом в сотый раз — все уже надоело. Было смешно. Так и в реальности бывает?

— Знаете, по Пушкину: ничего нет лучше, чем откупорить шампанского бутылку иль перечесать «Женитьбу Фигаро»? Но раз перечесать, два перечесать, три, а потом потянет на шампанское. В свое время мы с Андреем Мироновым сыграли «Женитьбу Фигаро» больше 400 раз. Поэтому, конечно, импровизировали, чтобы не превращаться в попугаев. Самое страшное в театре — когда зритель сидит, откинувшись на спинку кресла. Сначала он откидывается, потом тихонечко начинает поглядывать на часы. И это начало конца.

(Окончание на 7-й стр.)

Я для того и пришел, чтобы утомляться

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Здравствуйте, Александр Анатольевич, вы ли это?

— Мы ли это?

— Замечательно, я так рада, что смогла дозвониться. Меня зовут Мария, я люблю ваши фильмы. «Бабник» — вы и в жизни такой?

— Сейчас я сижу тут в редакции — совсем другой.

— Нет, серьезно, какие у вас отношения с женой?

— Отношения хорошие. В отличие от персонажа, о котором вы говорите, я де-юре женат 43 года, а де-факто, наверное, 52. Познакомились мы с женой на даче, нам было лет по тринадцать.

— Вы просто возвращаете мне веру в мужчин.

— А что, у вас какие-нибудь проблемы? Держитесь. Еще остались такие, кто пока не потерял эту старомодную ориентацию.

— Я говорю из Перми, меня зовут Петр. Вы бываете на гастролях?

— Реже, чем прежде, — гастрол сейчас связан с такими затратами, что не каждый потянет. Но вот как раз вчера прилетели из Екатеринбурга.

— А к нам?

— Было бы замечательно, Пермь — театральный город. Помню, Анатолий Васильевич Эфрос только пришел к нам в «Ленком» — и первые гастролы были в Перми.

— Мы ждем вас в гости.

— Ищите спонсоров. До свидания.

Нелицеприятно

— Здравствуйте, я Рудольф Рудольфович. Вопрос такой: вы не считаете необходимым извиниться перед работниками и почтателями телеканала «Культура»? Аргументирую: в передаче у Мережко вы со свойственной вам иронией сказали, что канал смотрят только родственники. Конечно, это не «Дог-шоу», но «Культура» — отдушина для большого числа людей.

— Если это так прозвучало, то я готов публично извиниться. Потому что имел в виду совсем другое — то, что многие предпочитают искусству все эти обрывные ужасы, сериалы и клипы. Я как раз с удовольствием принимаю участие в работе этого канала — вот сейчас будем снимать спектакль по Григорию Горину.

— Я звоню из Петербурга, звать Татьяной. Скажите, как может существовать театр, если у нас исчезла современная пьеса?

— Никак не может! Мы полагали: нахлынет свобода — и наши драматурги, прежде затравленные цензурой, побегут на дачи и вынут из столов все то святое, чего нельзя было писать раньше. И начнется золотой век театра. Но никто ничего не вынул. Даже Радзинский стал личным другом Наполеона и про жизнь уже не пишет.

Сейчас он застрелится...

— Добрый день, меня зовут Ольга Ивановна. Никак не могу вспомнить название очень давнего фильма — там вы были совсем молодой и играли вместе с Вициным.

— А, да, да! «Она вас любит». Я играл там какого-то прохиндея, певца. Эта история просто трагичная. Я учился на четвертом курсе, а мой друг Михаил Козаков был уже знаменитый, потому что снялся в «Убийстве на улице Данте» у Ромма. И его тут же пригласили в «Она вас любит» сыграть этого молодого кретина. Он уже начал сниматься, но его позвал Охлопков на роль Гамлета, и он, конечно, все бросил. А киностудии сказали: я вам привезу такого же. Приволок меня и всем рассказывал, какой я гениальный. Это был первый и последний раз, когда он так обо мне отзывался. В киностудии все были в трауре: Козаков привел вместо себя какую-то шпану испуганную. Но выхода не было, и я стал сниматься. Так Козаков вывел меня в кинематограф.

— Это Сергей из Химок, здравствуйте. Я видел старую запись: вы с Державиным показывали артистов, которые сразу после встречи Нового года играют утренний спектакль, — это было смешно. С чего начались эти ваши знаменитые капустники?

— Все началось в училище. Королем «капусты» был Ролан Быков. Он был уже очень знаменит, попасть ему на глаза — дело престижа. Потом мы пришли в «Ленком», и там сложилась целая «капустная» бригада: Державин, Богачев, Козаков, Сатановский... И все сбегались слушать жуткую по тем временам крамолу. В Москве строили первый подземный переход, и у нас на сцене один спрашивал другого: «А правда, что строят большой подземный переход от социализма к коммунизму?» Ничего, проходило. В Москве было много таких бригад. Я никогда не забуду Нонну Мордюкову — она выходила а-ля Воронцов, с халой в волосах, в сарафане и, обливаясь слезами, пела «Матушку-голубушку». У нее абсолютный слух и только она умела петь, фальшивя на одну седьмую тона. Это такое ощущение, что сходишь с ума. Как будто комар в тебя въезжает. Хулиганские были команды. Сейчас таких нету. Не потому, что нет моло-

ВИКТОР АХЛОНОВ

дежи, а — нет нужды держать фигу в кармане. Напустники были для выпуска пара. Все делалось с задней мыслью и вторым дном...

— А вы любите разыгрывать своих партнеров прямо на сцене?

— Я — нет. У нас столько специалистов в этом деле, и все остроумные! Андрюша Миронов был смешливый до ужаса, его выбить ничего не стоило. Шел спектакль «Бремя решений» — про Карибский кризис. Спартак Мишулин играл Макнамару и должен был доложить о бомбардировке. Даже написал себе на бумаге: бомбардировка. И все равно сказал: борбандир... Сделал восемь заходов — и никак. Мы на сцене едва держимся. Но он решил выйти из положения и сказал: бомбовый удар. И тут все рухнуло. Наутро в одной газете напечатали: «Вчера на сцене Театра сатиры силами «Кабачка 13 стульев» был разыгран Карибский кризис».

— Ну, это оговорки, а не розыгрыш. А вот чтобы подложить Раскольникову вместо топора ножовку?

— Оговорки интересней: после некоторых не знаешь, что делать. Например, Папанов в роли Горюничего вышел и сказал: «Господа, я пригласил вас с тем, чтобы сообщить пренебрежительное известие: к нам едет Хлестаков». После этого можно спектакль не продолжать.

— Александр Анатольевич, меня зовут Инна Николаевна. Вы давно на сцене — и как, зрительный зал меняется?

— Конечно. Теперь играешь на гастролях — билеты по 600 рублей. А средняя зарплата 500. Понятно, что в зале только «шестисотые мерседесы». Идет последний акт «Чайки», Треплев идет стреляться, в третьем ряду звонит сотовый. «Погоди, — говорит зритель в трубку, — сейчас он застрелится, и я скоро буду». Он интеллигентный, Чехова знает. Но не везде так. Вот мы были в Екатеринбурге — замечательный зритель. И реагирует правильно, как хотелось бы. Беда в том, что все всё уже видели, удивлять нечем. На Доме Ханжонкова недавно висела афиша: День эротики, а в витрине — картинки. И хоть бы кто остановился. Десять лет назад такое и вообразить было нельзя — упал бы памятник Маяковскому!

Анекдот в разрезе

— Я из Таллина, меня Нильс зовут. Знаю вас как очень юморного человека — какой у вас любимый анекдот? Я хотел бы его услышать и на работе рассказать.

— С анекдотами у меня напряженка, я их забываю через секунду. Есть передача «Белый попугай» — я там всегда садился рядом с Юрием Никулиным. Потому что он был энциклопедией анекдотов, и когда очередь доходила до меня, я толкал Юру в локоть, и он мне шептал на ухо анекдот. А я его рассказывал. Теперь остался без источников...

— Меня зовут Марина Воскресенская. Я одна из ваших поклонниц. Хотелось бы узнать, какое амплуа для вас более органично?

— Амплуа для актера — вещь болезненная. Сколько из-за этого было трагедий у Миронова, у Никулина, у Леонова, когда они пытались вырваться из привычного! Им это удалось, но чаще маска прилипает. Вот я всю жизнь ходил в отрицательных — в каких-то развратниках, бабниках. Или меньшевиках. Одна из первых ролей была в спектакле «Хлеб и розы». Речь шла о ходоках из Сибири. И вот я лежал в углу сцены весь в бороде и усах, и мы ждали этого ходока. Ждали, ждали, потом я говорил мою единственную фразу: «Почто зазря по степу мыкаемся?» В моей творческой биографии это перевоплощение — самое сильное. Больше я никогда уже по степу не мыкался — и напрасно, потому что интересно сыграть что-нибудь от тебя далекое.

— А есть роли, о которых мечтали, но сыграть не удалось?

— Их становится все меньше, и есть мечты, которые ушли навсегда. Были две такие глобальные мечты: Кречинский и Остап Бендер...

— Добрый день. Меня зовут Наталья. У меня такой вопрос: вы пишете мемуары? О себе, об окружении, о жизни своей?

— Во-первых, есть книжка «Былое без дум» — правда, она не вчера вышла, но симпатичная. А во-вторых, сейчас все магазины забиты мемуарами. Многовато, настораживает. О себе пишут хорошо, о других — обязательно какую-то гадость. Впрочем, и у меня было такое желание — написать книжку «Артисты в законе».